

**КОМИССИЯ ДЛЯ ВЫРАБОТКИ ПРОЕКТА НОВОГО УСТАВА ДУХОВНЫХ
АКАДЕМИЙ 1909 г.**

Комиссия была создана указом Его Императорского Величества от 3 марта 1909 г. Поводом для ее создания послужила резолюция Государя на записке архиепископа Антония: «Устав разработать непременно в церковном направлении», о чем и был издан указ Св. Синода от 18 марта 1909 г. за № 3696. Председателем был назначен главный ревизор академий 1908 года - архиеп. Херсонский Димитрий (Ковальницкий). В нее также вошли: архиеп. Волынский Антоний (Храповицкий), архиеп. Псковский Арсений (Стадницкий), архиеп. Финляндский Сергей, ректор СПбДА еп. Ямбургский Феофан (Быстров), духовник Их Императорских Величеств протопресвитер И.Л. Янышев, проф. Харьковского университета и член Учебного Комитета при Св. Синоде М.А. Остроумов, проф. КазДА И.С. Бердников, проф. МДА А.И. Введенский, проф. КДА Д.И. Богдасhevский[1].

Архиереи играли в комиссии главную роль в решении тех или иных вопросов, тем более что речь шла о церковности разрабатываемого Устава. В этом вопросе за архиереями по праву было последнее слово. Архиереев в России в то время было достаточно много, но назначенные архиереи были известны как активные реформаторы и талантливые администраторы, проявившие себя на разных высоких должностях: они являлись председателями разных отделов Предсоборного Присутствия в 1906 году (Архиеп. Димитрий – председатель 1-го отдела Присутствия; архиеп. Арсений – председ. 5-го отдела; архиеп. Антоний – 6-го; архиеп. Сергей – 7-го; они являлись ректорами разных академий, их часто вызывали на заседания Св. Синода и т.д.). Все они были наиболее яркими представителями ученого монашества, и именно они во многом играли исключительную роль в жизни Церкви в начале XX века, кроме

того, жизнь каждого из них была тесно связана с духовной академией [2]. Впоследствии в принятии нового устава будет учтено именно мнение архиереев, что оправдывает особенный интерес к ним. Для либерально настроенных профессоров состав Комиссии не предвещал ничего хорошего: «Зная архиепископа Антония (Храповицкого) как идеолога ученого монашества и ненавистника профессуры, повинной, по мнению Антония, в «обмирщении» академий, светская профессура академий не ждала от нового Устава ничего хорошего» [3]. По поводу состава Комиссии можно встретить мнение, что он обусловлен именно наказом Государя о церковном направлении Устава: всех членов Комиссии объединяло негативное отношение к автономии, которое они продемонстрировали еще в Предсоборном Присутствии 1906 года, почему на заседаниях и не было серьезных разногласий [4]. Это утверждение может вызвать сомнения: например, архиепископы Арсений и Сергей участвовали в разработке «Временных правил». Другие же члены Комиссии вовсе не заседали в Предсоборном Присутствии. По поводу состава Комиссии есть и другое мнение. Прот. Ф. Титов (проф. КДА) пишет: «Главный труд архиеп. Димитрия (Ковальницкого – И.В.), как председателя Комиссии, хотя сравнительно немногочисленной, но состоящей из членов, которые были не вполне согласны между собою в воззрениях по вопросам, касающимся духовных академий, заключался в том, чтобы руководить прениями членов и направлять их, по возможности к согласному, положительному решению обсуждавшихся вопросов» [5]. Судя по «представлению» архиеп. Сергия, о котором пойдет речь ниже, реальное положение дел было ближе к свидетельству прот. Ф. Титова.

«Целью реформы 1909 г. должно было стать подчинение духовных академий пастырско-миссионерским целям» [6], что вполне созвучно с запиской архиеп. Антония.

Так как архиепископ Димитрий опаздывал к началу работы Комиссии, исполняющим обязанности председателя был назначен архиеп. Антоний Волынский. На место представителя от общества имелось четыре кандидатуры: В.К. Саблер, Н.П. Аксаков, А.И. Соболевский и Д.И. Тихомиров. Для архиеп. Антония был бы предпочтителен выбор в пользу Саблера, как друга и единомышленника, но голоса распределились другим образом. Из голосовавших десяти человек за Соболевского проголосовало 7, за Тихомирова – 6, за Саблера – 5, за Аксакова – 2. Таким образом, были выбраны Соболевский и Тихомиров. По каким-то причинам вместо Тихомирова членом Комиссии кроме упомянутого Соболевского, который присоединился к работе Комиссии через полтора месяца, указом Св. Синода от 28 апреля 1909 года за № 5673 был утвержден все же В.К. Саблер [7]. По ходу работы происходили изменения в составе Комиссии: ректор СПбДА епископ Ямбургский по болезни уехал в Крым и был замещен исполняющим обязанности ректора СПбДА И.Г. Троицким (с 15-го заседания), а Богдашевский был назначен инспектором КДА и по просьбе митр. Флавиана (Городецкого) был заменен проф. К.Д. Поповым. Первое заседание прошло 18 марта 1909 г. под председательством архиеп. Антония Храповицкого. Первоначально планировалось закончить работу Комиссии к середине июня по соизволению Государя, о чем даже было постановление Св. Синода, но убедительные доводы Преосвященного Димитрия против спешности были приняты: «Члены Комиссии, опытные уже в работах подобного рода, хорошо знают, что начатая ими работа нелегка, что она потребует немало времени, что менее всего в этой работе допустима спешность, - этот враг обдуманности и основательности. И поэтому я, от лица Ко-

миссии долгом почитаю доложить Вашему Высокопреосвященству (письмо от 21 мая 1909 г. написано на имя митр. Антония (Вадковского) – И.В.), что вся работа по пересмотру Устава Академий 1884 г. никак не может быть окончена к половине июня (подчеркивание автора – И.В.), что Комиссия, работая напряженно (заседания продолжаются около 4-х часов подряд), признает необходимость получить около половины июня отдых с тем, чтобы всю работу закончить осенью» [8]. Срок окончания работы Комиссии был перенесен на декабрь того же года. Всего было проведено 57 заседаний (последнее – 3 декабря). С марта по май обсуждались вопросы административного устройства академий, а с сентября по ноябрь – учебная программа академий.

На первом заседании было принято к исполнению постановление Св. Синода о резолюции Государя на записке архиеп. Антония. Эту записку решено было разослать всем членам Комиссии. Также решено, что частности, связанные с учебными и административными сферами, будут разрабатываться не всем составом Комиссии, а для этого было сформировано две группы: 1. Архиеп. Арсений (Стадницкий), академик А.И. Соболевский, проф.: Бердников, Богдашевский, Введенский и Остроумов. 2. Архиеп. Сергей (Страгородский) и епископ Феофан (Быстров). Первой группе было поручено разработать учебный план духовных академий (состав и распределение наук академического курса, характер самого преподавания и порядок студенческих учебных занятий) и положение о профессорах академии и академических коллегиях (Совете и Правлении). На вторую группу возложена разработка вопроса о ректоре и инспекторе академии и правилах студенческой жизни (о религиозных обязанностях студентов, проповеднической деятельности, дисциплине и пр.) [9].

Второе заседание (29 апреля, 1 и 4 мая) интересно в первую очередь потому, что на нем дискутировался вопрос церковности устава. Первым высказался В.К.

Саблер: «...суть дела не в изменении только тех или иных параграфов академического Устава, а в духе, в направлении, в том, чтобы и профессора и студенты были проникнуты любовью ко Христу и православной Церкви и желанием послужить ей» [10]. Далее он указал некоторые средства достижения этой цели: а) основательное изучение в академиях Св. Писания и святоотеческих творений, чтобы выходящие из академии лица могли дать отпор врагам Церкви в деле охранения ее истин; б) правильная постановка самого учебного дела, чтобы изучение обнимало целый предмет, а не части его и чтобы при этом была разграничена сфера высшего и среднего образования. Проф. Введенский высказал по этому поводу свое мнение: «В понятии «церковности», так как им должна определяться разработка проекта нового академического Устава, два момента: а) практический – возможно полное и глубокое приобщение, как бы привитие питомцев Духовных академий к церковной жизни через православно-христианское воспитание (замечательно, что ни в одном из существовавших доселе уставов академий в §1 не введено указание на их воспитательные задачи) и б) теоретический – выработка в питомцах академий законченного и научно-систематического жизни – и – миропонимания чрез образование, определение православно-христианским верованием» [11]. Эти расплывчатые и не очень определенные мнения, переходящие от частных к общим принципам, архиеп. Димитрий направил в нужное русло, уточнив, что на Комиссию не возлагается задача совершенно переделать действующий Устав, так как он был разработан тоже не нецерковными людьми (в его разработке принимали участие митр. Сергей (Ляпидевский), проф. И.Ф. Нильский, И.Е. Троицкий, В.Ф. Певницкий, И.С. Бердников и другие): «...нельзя указать ни одного пункта в этом Уставе, который подрывал бы его церковность, компрометировал бы его. Если же Устав не принес добрых в церковном отношении результатов, то вина в данном случае лежит не

на Уставе, а на исполнителях его. Поэтому нужно позаботиться не об одном исправлении Устава, а и о мерах к точному и неременному его исполнению» [12]. Для того, чтобы донести до исполнителей те основы, которые заложены в Уставе, председатель предложил составить подробную объяснительную записку, «которая должна иметь значение не для одной высшей инстанции, в объяснение оснований произведенных в Уставе изменений, а также и для ближайших исполнителей Устава, как руководство к надлежащему исполнению Устава» [13]. Чтобы не создалось впечатление, что Председатель не видит недостатков в Уставе 1884 года, а хочет только поточнее написать объяснительную записку, он все же указывает, что этому Уставу не чужды несовершенства, обусловленные течением времени и возникновением новых потребностей и новых условий, в соответствии с которыми необходимо вносить изменения в Устав. Таким образом, позиция председателя по главному вопросу ясна: Устав не виноват, а виноваты исполнители. Может быть, именно это не понравилось архиеп. Сергию, не согласившемуся в итоге с решением Комиссии. Вот его мнение по поводу церковности: «Церковное направление, в котором надлежит разработать Устав, должно выразиться, прежде всего, во внутреннем строе академической жизни, в основном духе, ее проникающем. Академия живет церковно, когда она во всей своей совокупности, от ректора и до последнего служителя, сознает себя прежде всего церковной единицей... Для достижения цели питомцы должны сознавать себя обязанными служить Церкви и готовиться к этому служению» [14]. Здесь тоже речь идет в основном об академическом составе учащихся и учащихся, а не о недостатках Устава, но и присутствует намек на то, что академия должна готовить в первую очередь пастырей, и те, кто готовит, – тоже должны быть облечены в священный сан. Далее преосвященный Сергей развивает апологию ученого монашества, что и является, видимо, целью его рассуждений о церковности акаде-

мый: «Если и все преподаватели облекутся в рясы, а экспертами по церковным делам всегда будут священники, то Церковь наша это может только приветствовать. Но не нужно забывать, что за идеалом в самом лучшем случае пойдет лишь половина или немного более оканчивающих академию. Остальная же часть по-прежнему останется в светском звании, но тогда и эти люди будут гораздо ближе к Церкви или, по крайней мере, они не могут сказать, что к церковной службе их не готовили и, поэтому, они имеют право быть к ней равнодушными» [15]. Мысль вполне понятна: ученое монашество – единственное средство сохранить в академиях церковность. Надо заметить, что архиеп. Сергей до этого момента не считался таким ярким защитником ученого монашества, видимо, он, как всегда, вовремя понял, в каком направлении дует ветер. В дальнейшем будет возможность оценить, как он с помощью изменений в Уставе попытается воплотить эту мысль. Архиеп. Антоний (Храповицкий), поддержавший почти каждое мнение архиеп. Сергия на этой Комиссии и впоследствии присоединившийся к его отдельному проекту Устава, по этому вопросу также согласился в общем с формулировкой преосвященного Сергия, добавив, что «задача академии – готовить служителей Церкви в священном сане, из которых лучшие должны назначаться в наставники семинарий, а узаконять теперешний ненормальный порядок, при коем в семинариях будущих пастырей воспитывают миряне, не разумно, а еще более неразумно подгонять высшую богословскую школу к обслуживанию такого ненормального порядка. Посему он полагает необходимым в самом первом параграфе Устава отметить ту мысль, что академии приготавливают на служение Церкви преимущественно в священном сане» [16]. Эта мысль впоследствии попала в формулировку первого параграфа, как мнение меньшинства, а затем и в Устав 1910 года, несмотря на возражение председателя: «Академия не есть пастырская школа, хотя и весьма

желательно, чтобы ее питомцы, ученые богословы, избирали для себя служение Церкви в священном сане. У нас есть такая школа – духовная семинария, а академия должна давать учителей в пастырскую школу, готовить тех, кто будет готовить пастырей. И если поставить задачей академии только подготовку пастырей, то этим как бы опускается из виду, что у нас пастырство больше деревенское, которое по условиям своей общественно-церковной деятельности не нуждается настоятельно в высшем научном изучении богословия и для приготовления которого должны быть особые учреждения и особые деятели» [17]. Этого мнения хватило только для того, чтобы оно было принято большинством членов Комиссии. Естественно, эти доводы не убедили архиеп. Антония и архиеп. Сергия, как и многие другие, что обусловило их желание продолжать бороться за церковность устава. Надо отдать им должное: из этой борьбы они вышли победителями.

На восьмом заседании (29 мая) архиеп. Арсений (Стадницкий) доложил о результатах работы 1-й подкомиссии над 2-й главой Устава (Об отношении архиерея к академии). Решение было простое: комиссия признала отношение архиерея к академии по действующему Уставу (то есть Уставу 1884 г.) удовлетворительным и решила ничего не менять: «Разрешение многих проблем связано с личностью самого архиерея, а это не может быть определено юридически» [18]. Замечание вполне оправданное, особенно если вспомнить отношение самого ярого противника автономии, архиеп. Антония, к местному архиерею вверенной ему Московской академии – митр. Сергию (Ляпидевскому).

На следующем заседании (№9 – 1 апреля) разбиралась 3-я глава Устава – о ректоре академии. Архиеп. Сергей выступил со своим мнением о том, что ректор должен быть в сане епископа; ученая степень – не ниже магистра. Надо заметить, что требование для ректора епископского сана можно встретить в «От-

зывают» и у архиеп. Антония, и у архиеп. Сергия, причем для последнего ректор-епископ непременно условие, допускающее в академиях полную учебную и ученую автономию. На это председатель выступил с достаточно резкой критикой, сравнивая требование о ректоре – епископе с «автономическим движением»: академия должна мыслиться как орудие Церкви, послушное и направляемое ею: «Это взаимное отношение церковной школы и Церкви – подчинение школы, должно выражаться и в надлежащем установлении отношений местного представительства церковной школы и Церкви. В своде проектов (Свод проектов Устава академий, составленный корпорациями в 1906 г. – И.В.) исключается какое – либо отношение академии и епархиального архиерея. В проекте, сейчас выраженном, предоставляется академии иметь своего академического архиерея, который не был бы викарным... Выходит: академические автономисты 1905-1906 годов хотели ректора-мирянина, чтобы и духу монашеского в академии не было. Реакционеры же настаивают на ректоре исключительно епископе, т.е. монахе. И то, и другое может привести к нежелательным автономным последствиям. Крайности обыкновенно соприкасаются. Думаю, будет более правильно и полезно, когда ректорами академий будут архимандриты и протоиереи. И только в виду их продолжительной и полезной службы они могут быть производимы: архимандрит – в сан епископа, а протоиерей в сан протопресвитера»[19]. Этот пункт постигла та же участь, что и первый: мнения председателя хватило только для того, чтобы оно было принято большинством. Единственное, что до конца непонятно, как один и тот же архиеп. Сергей мог в 1905 году выступать за светского выборного ректора, а уже в 1909 году – за ректора в сане епископа, причем даже не соглашаясь на ректора - архимандрита. Архиепископ Арсений в этом смысле занял более ответственную позицию.

На 14-м заседании (11 сентября) большинством голосов (против одного –

проф. Введенского) было принято решение включить в Устав новую главу: «Об отношении Св. Синода к академии». Далее все главы Устава разбирались по порядку. Значительные изменения касались вопроса распределения наук академического курса. Их предполагалось распределить на общеобязательные для всех студентов академии и на групповые. К общеобязательным наукам были отнесены Священное Писание Ветхого и Нового Завета, основное богословие, пастырское богословие с гомилетикой, церковное право, история древней церкви, история русской церкви, систематическая философия и логика, один из древних языков, педагогика и дидактика с методологией наук в духовно-учебных заведениях, один из новых языков и еврейский язык. Остальные предметы распределялись на три группы: богословско - философскую, церковно – историческую и церковно – практическую (в окончательном варианте Устава (1911 г.) общеобязательных предметов было 17, а остальные делились на 4 группы).

К Журналам Комиссии был приложен проект положения об Ученом Совете при Св. Синоде (+ проект штата), который был разработан на последнем заседании (№57). Этот Совет должен был стать центральным управляющим органом для академий. Мнения членов Комиссии разошлись при определении функций Совета: трое (архиеп. Димитрий, Арсений и проф. К.Д. Попов) высказались за передачу ему всех важнейших академических дел как ученого, так и учебно-административного содержания. Остальные же члены Комиссии (во главе с архиеп. Антонием) высказались за передачу лишь дел научных. Однако все сошлись во мнении, что председателем должен быть член Св. Синода, а членами Совета – лица, бывшие преподавателями духовных академий [20]. К сожалению, проект утвержден не был и Ученый Совет так и не был создан.

21 мая архиеп. Димитрий (Ковальницкий) написал записку митр. Антонию (Вадковскому) [21], в которой изложил некоторые свои соображения по делу ре-

формирования академий и, в частности, рассказал о работе Комиссии (к этому моменту уже прошло 6 заседаний) [22]. Члены Комиссии, рассуждая очень здраво и трезво, пришли к мысли о том, что недовольство Уставом 1884 г. во многом было порождено искусственно и многие существенные обвинения в его адрес (в частности в его нецерковности) не имеют под собой реального основания. Ввиду этого, было решено не выработать новый Устав, а тщательно пересмотреть и переработать все параграфы старого; что будет иметь больший смысл, чем делать всю работу заново.

Дебаты, судя по журналам заседаний, шли по многим вопросам. В итоге верх взяла более трезвая и объективная точка зрения над жестко-консервативной, которая была выражена в мнении меньшинства. Главным выразителем точки зрения меньшинства был архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), к которому присоединились архиеп. Антоний (Храповицкий) и В.К. Саблер. На 51 заседании после долгих обсуждений было решено представить в Св. Синод проект Устава академии с изложением мнения меньшинства. Несмотря на это, архиепископ Сергей решил представить в Св. Синод свой отдельный проект устава. В «представлении» [23] к своему проекту он развернуто объяснил свое решение: во-первых, Комиссия не получила никаких указаний «сверху», кроме желания Императора, разработать устав в церковном направлении, да и сами члены Комиссии не договорились «относительно основных начал академической реформы», несмотря на большое разнообразие мнений. В-третьих, архиепископ считал, что «первое чтение» предварительное и во втором будут возможны обсуждения и изменения, поэтому в начале работы при обсуждении параграфов архиепископ «не заботился придавать им окончательную форму и не делал своевременно в них тех изменений, какие находил нужными после происходившего обмена мнений». Свою «нерешительность» или выжидание архиепископ объясняет еще тем, что

форма его отдельного мнения окончательно еще не определилась, а он предполагал представить свое мнение в связанном виде, «а не в виде отдельных, как бы случайных обмолвок меньшинства, без всякой системы разбросанных по всему проекту и трудно уловимых для постороннего читателя». Его разногласия касались не частных деталей, а «самых основных принципов академической реформы, самого взгляда на нашу высшую духовную школу». Но, вопреки ожиданиям Преосвященного, председатель при начале второго чтения объявил, что никакие изменения уже не допустимы, а отдельные мнения будут представлены Св. Синоду «в бесформенной массе сырого материала под общей рубрикой "мнение меньшинства", где, таким образом, будут до неразличимости перемешаны случайные мелочи с принципиальными разногласиями». В силу того, что, с одной стороны, он не может при такой постановке вопроса представить свое мнение Св. Синоду в том виде, в котором считает нужным и для себя и в интересах дела, а, с другой стороны, по совести не может согласиться с проектом большинства, и был представлен отдельный проект Устава. В P.S. отмечено, что некоторые пункты, которые значатся в общем проекте под его именем в рубрике «мнение меньшинства», более или менее разнятся с его отдельно поданным проектом (особенно список наук, преподаваемых в академии).

Основное обвинение в адрес уже нового проекта Устава звучит привычно – нецерковность. В данном случае это в первую очередь обвинение в невыполнении воли Государя, который оставил единственное пожелание, чтобы Устав был разработан в церковном направлении. Архиепископ Сергей отмечает: «... по совести не считаю возможным согласиться с проектом большинства, стоящим всецело на почве уставов 1884 и 1869 годов и отнюдь не обеспечивающим, по моему глубокому убеждению, церковного направления академической реформы...» [24]. Это же обвинение звучало в

записке архиеп. Антония: «...чтобы академия была руководительницей религиозных идей для общества и духовенства ...нужно ее строй подвинуть не влево от Устава 1884 года, а вправо: она и по тому Уставу была учреждением духовным, не столько по своему составу и по своему устройению, сколько лишь по гениологическому происхождению своих наставников и студентов» [25]. Нецерковным он называет не сам Устав, а современное состояние академии, которое он наблюдал в ревизованной им КДА. Такая постановка вопроса и из нее вытекающая критика профессуры видятся более приемлемой, чем обвинение самого Устава. Надо сказать, что Уставы 1884 и 1869 годов совершенно разные в плане церковности, и как архиепископ Сергей смог их объединить, не очень понятно. Тот факт, что новый Устав разрабатывался на базе Устава 1884 года, подтверждает и архиепископ Димитрий, но он говорит, что к такому решению пришла Комиссия без особых возражений. Председатель отмечал, что на Устав 1884 года нападают с двух сторон – и либералы, и консерваторы. Либералы требуют автономии и свободы, а консерваторы считают Устав нецерковным. Очевидно, что ни те, ни другие не оценивали объективно достоинства Устава, на чем и построен вывод о том, что он не так уж плох, что подкреплялось результатами ревизии. Конкретно по поводу обвинения Устава в нецерковности в письме архиепископа Димитрия четко выражена позиция Комиссии (как он ее трактует): «...вина за действительно ставшее проявляться не со вчерашнего

дня нецерковное направление в наших духовных академиях, выражающееся, между прочим, в уклонении воспитанников академий от священнослужения Церкви, в бегстве их на самые разнообразные службы мирские, падает не на Устав 1884 года, будто не воспитывающий в студентах духа церковности, а на тех членов академического учебно-воспитательного персонала, кто сам плохо исполняет или вовсе не исполняет Устав, что причина бегства из церковного ведомства питомцев академии лежит в плохих нравственных, материальных, общественных условиях нашего времени, за которое не ответственен Устав 1884 года, но который делает служение Церкви тяжелой борьбой, а не у каждого найдутся достаточные силы для такой борьбы: не от каждого можно требовать самопожертвования».

Ввиду этого Комиссия признала, что порицания с двух противоположных сторон, направленных на Устав 1884 г., неосновательны, и, в частности, не признала она правильным заподозрение этого Устава в нецерковности.

Таким образом, главная цель Комиссии – церковность академии, была в некоторой степени достигнута: основы церковности были положены в основу всех принципиальных параграфов Устава: цель академии – преобладание пастырского служения, ректор – епископ или архимандрит, большинство профессоров академии - в священном сане и т.д. Все это в дальнейшем отразилось в Уставе 1910-1911 гг.

Примечания

1. РГИА Ф.796. Оп.190. 1отд. 2ст. Д.61. Л.15.
2. Еп. Ямбургский Феофан (Быстров) – ректор СПбДА был вызван именно потому, что был в тот момент ректором Академии. Он присутствовал только на восьми первых заседаниях Комиссии и никак не повлиял на ее деятельность.
3. Журавский А.В. Казанская духовная академия на переломе эпох (1884 - 1921 гг.)// Диссертация, рукопись, ИРИ РАН, М., 1999. С. 65.
4. Тарасова В. Духовные академии в России в кон. XIX – нач. XX века /Диссертация, рукопись, МГУ, 2002. С. 206.
5. Титов Ф., прот. Высокопреосвященный Димитрий (Ковальницкий), архиепископ Херсонский и Одесский, бывший ученик, профессор, инспектор и ректор Киевской Духовной Академии // Труды КДА. 1914, июнь. Кн. VI. С.248.
6. Тарасова В. Духовные академии в России в кон. XIX – нач. XX века /Диссертация, рукопись,

- МГУ, 2002. С. 206.
7. РГИА Ф.796. Оп.190. 1отд. 2ст. Д.61. Л.54.
 8. Там же. Л.62 об.
 9. Журналы учрежденной при Св. Синоде Комиссии для выработки проекта нового устава духовных академий (Далее: Журналы Комиссии.), СПб., 1909. С.2.
 10. Там же. С.3.
 11. Там же. С.3.
 12. Там же. С. 3-4.
 13. Там же. С. 3-4.
 14. Там же. С. 6.
 15. Там же. С. 7.
 16. Там же. С. 8.
 17. Там же. С. 8.
 18. Там же. С. 25.
 19. Там же. С. 33.
 20. Там же. Отд. нумерация. С. 5-6.
 21. Там же.
 22. РГИА Ф.796. Оп.190. 1отд. 2ст. Д.61. Л.60-63об.
 23. Там же. Л.334-335.
 24. Там же. Л.335.
 25. Там же. Л. 13-13об.